

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.008)

Оригинальная статья / Original paper

Ю.М. Голанд

*Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: golandyury@yandex.ru*

Смерть М.В. Фрунзе в свете борьбы за власть в руководстве компартии (к столетию со дня смерти)

Аннотация

Статья приурочена к 100-летию со дня смерти председателя Реввоенсовета (РВС) и наркома по военным и морским делам СССР М.В. Фрунзе. Он умер в возрасте 40 лет через два дня после неудачно проведенной операции по поводу язвенной болезни, от которой он давно страдал. Решение об операции было принято при разногласиях в консилиуме врачей. На операции настаивал генсек компартии И. Сталин, несмотря на то что его предупреждали о связанных с ней рисках. Он мотивировал свое требование необходимостью полностью излечить Фрунзе для его полноценной работы. В статье рассматриваются другие возможные мотивы его требования, ранее выдвигавшиеся, и дается новое объяснение этому.

На основании беседы автора с бывшим членом партийного руководства А.И. Микояном и нескольких воспоминаний, а также архивных документов выдвинуто предположение о том, что Фрунзе являлся альтернативой Сталину на пост генсека. Он отличался редкостным сочетанием сильной воли с человечностью, тактичностью и умением ладить с людьми разных взглядов. Оппоненты Сталина в Политбюро Г. Зиновьев и Л. Каменев в начале 1925 г. предложили, чтобы генсек перешел на должность председателя РВС, а зампреда РВС

Фрунзе стал генсеком. Из-за возражений Сталина это предложение не было принято.

Но Сталин помнил об этом предложении, и настаивая на тяжелой операции, он стремился на длительный период отстранить Фрунзе от активной политической деятельности и не допустить его участия в намеченном на декабрь 1925 г. съезде партии и первом организационном заседании нового ЦК партии, где он мог быть избран в Политбюро. А это изменило бы соотношение сил в этом высшем органе и, возможно, помешало бы реализации сталинских планов по разгрому оппонентов в партийном руководстве и постепенному достижению фактически бесконтрольной власти.

В статье делается вывод о том, что со смертью Фрунзе была потеряна возможность объединить вокруг пользовавшейся большим авторитетом сильной и обаятельной личности всех несогласных в партийном руководстве с этим стремлением Сталина. Это могло позволить реализовать альтернативу сталинскому курсу.

Ключевые слова:

операция; перитонит; Реввоенсовет; Политбюро; генсек

Для цитирования:

Голанд Ю.М. Смерть М.В. Фрунзе в свете борьбы за власть в руководстве компартии (к столетию со дня смерти) // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 198–235. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.008)

Yury M. Goland

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: golandyury@yandex.ru*

The death of M. V. Frunze in the context of the power struggle in the leadership of the Communist Party

(on the 100th anniversary of his death)

Abstract

The article is dedicated to the 100th anniversary of the death of the chairman of the Revolutionary Military Council (RMC) and People's Commissar for Military and Naval Affairs of the USSR M.V. Frunze. He died at the age of 40 two days after an unsuccessfully performed operation for a peptic ulcer disease from which he had long suffered. The decision on the operation was made during the disagreements in the doctors' council. General Secretary of the Communist Party I. Stalin insisted on the operation, despite being warned about its risks. He justified his demand by the need to completely cure Frunze so that he could work to his full capacity.

The article considers other possible motives for Stalin's insistence that had previously been suggested and offers a new explanation. It is based on the author's conversation with former party leadership member A.I. Mikoyan and several memoirs, as well as archival documents, and advances the hypothesis that Frunze was an alternative candidate to Stalin for the post of general secretary. He was distinguished by a rare combination of strong will and humanity, tactfulness and the ability to get along with people of different views.

Opponents of Stalin in the Politburo, G. Zinoviev and L. Kamenev, in early 1925 proposed that the general secretary be transferred to the post of chairman of the RMC and that Frunze, then deputy chairman of the RMC, become general secretary. Because of Stalin's objections, this proposal was not accepted. However, Stalin remembered this proposal and, insisting on the serious operation, aimed to remove Frunze from active political life for a long period and to prevent him from taking part in the party congress scheduled for December 1925 and the first organizational session of the new Central Committee, where he could have been elected to the Politburo.

This would have changed the balance of forces in this high organ and, perhaps, prevented the implementation of Stalin's plans for the defeat of opponents in the party leadership and the gradual achievement of uncontrolled power. The article concludes that Frunze's death meant the loss of the opportunity to unite around the strong and charming personality all those in party leadership who disagreed with Stalin's plans. This could have made it possible to implement an alternative to Stalin's course.

Keywords:

Surgery; Peritonitis; Revolutionary Military Council; Politburo; General Secretary

For citation:

Yury M. Goland. The death of M.V. Frunze in the context of the power struggle in the leadership of the Communist Party (on the 100th anniversary of his death) // The Historical Reporter. 2026. Vol. 57. P. 198–235. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.008](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.008)

Через два дня после неудачной операции 31 октября 1925 г. умер нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР (РВС) М.В. Фрунзе. Он пользовался большой популярностью в стране как герой Гражданской войны, победоносно командовавший последовательно тремя фронтами. Его смерть явилась полной неожиданностью. Фрунзе было всего 40 лет, и он активно работал как на посту наркома, так и состоя кандидатом в члены Политбюро. Только близкие к нему люди знали, что он много лет страдал от язвенной болезни.

После окончания с золотой медалью гимназии Фрунзе поступил в 1904 г. на экономическое отделение Петербургского политехнического института, но не окончил его. С 1905 г. он энергично включился в революционное движение, в 1905–1907 гг. участвовал в боевых столкновениях с правительственными войсками и полицией. В 1907 г. он был арестован в городе Шуе, обвинен в участии в подпольной боевой организации, среди прочего в том, что ранил из револьвера полицейского урядника.

Военно-полевой суд приговорил его в 1909 г. к смертной казни, но по апелляции дело было пересмотрено и направлено на новое рассмо-

трение. В 1910 г. суд подтвердил ранее вынесенный приговор, который позже был решением командующего войсками Московского военного округа заменен на 6 лет каторжных работ. Пребывание в течение нескольких месяцев в камере смертников и нескольких лет в каторжных тюрьмах вызвало желудочные заболевания, которые преследовали его и в последующие годы. Правда, обострения болезни проходили после лечения и отдыха.

Однако в октябре 1925 г. консилиум врачей рекомендовал провести Фрунзе операцию, приведшую к его смерти. Сразу после операции в газетах было опубликовано много материалов о ходе болезни Фрунзе, но далеко не всему в них можно доверять, учитывая желание властей оправдать сам факт срочной операции. Опубликованная информация использовалась в нескольких книгах и множестве статей на эту тему, хотя зачастую без ссылок и с добавлением различных домыслов. Я попробую выбрать наиболее достоверные факты и добавить некоторые архивные документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Шуйского историко-художественного и мемориального музея (ШИХММ) им. Фрунзе, чтобы дать по возможности полную картину развития всей ситуации.

Начать имеет смысл с июля 1925 г. Секретарь ЦК В. Молотов сообщил Сталину: «С Фрунзе случилось несчастье. Он вылетел из автомобиля на полном ходу. Наружных повреждений нет. Но чем это кончится — сказать трудно. Пока врачи требуют лежать и молчать»¹. Врачебная комиссия 7 июля рекомендовала предоставить Фрунзе незамедлительно двухнедельный отпуск, о чем он написал в Политбюро. Он предполагал провести его под Москвой, не прекращая общего руководства Наркоматом. Такой отпуск ему и был предоставлен начиная с 9 июля. В августе ему стало значительно лучше, и 19 августа Политбюро предоставило Фрунзе очередной отпуск для поездки в Крым с 7 сентября. Перед тем как отправиться на отдых, он собирался заехать 31 августа на Украину для смотра частей. Однако в конце августа у него ухудшилось самочувствие, и Политбюро отложило его поездку. Выезд был поставлен в зависимость от письменного разрешения врачей.

В сообщении о болезни Фрунзе в «Правде» 31 октября говорилось о том, что у него заболевания желудочно-кишечного тракта делятся

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 766. Л. 43.

М.В. Фрунзе на маневрах. Худ. И.И. Бродский.

Центральный музей Вооруженных сил Российской Федерации. Москва

около десяти лет: «За эти годы более значительные кишечные кровотечения имели место три раза... Последнее сильное кишечное кровотечение было в начале сентября сего г. после ушиба при падении из автомобиля». При этом не уточнялось, когда было это падение. Тем не менее 5 сентября заведующий терапевтическим отделением Кремлевской больницы Л. Левин дал заключение о том, что состояние здоровья наркома не препятствует отъезду. Фрунзе перенаправил это заключение Молотову и в тот же день опросом членов Политбюро получил разрешение на выезд в отпуск. Он поехал в дом отдыха «Мухалатка» в Крыму, где в это время отдыхал и Сталин.

Вместе с Фрунзе поехал заведующий хирургическим отделением Центрального военного госпиталя П. Мандрыка, командированный для медицинского наблюдения и лечения. Он вел дневник здоровья Фрунзе с 5 по 12 сентября, который хранится в ШИХММ в городе Шуя. В нем он констатировал наличие раны от ушиба при падении, на которую наложил пластырь, но в целом 5 и 6 сентября состояние было удовлетворительным. В ночь на 7 сентября самочувствие было скверным, но переезд в Крым пациент перенес удовлетворительно. С 8 по 10 сентября состояние больного тревог не вызывало. Так, запись в дневнике 10 сентября свидетельствовала: «Общее состояние

Петр Васильевич Мандрыка.
Из открытых источников

удовлетворительное. Больной купается, лежит на пляже. Рана заживает хорошо»². Но уже 11 сентября врач отмечал: «Самочувствие плохое. Больной больше лежал».

Такие колебания в самочувствии были иногда характерны для состояния здоровья Фрунзе. Когда ему становилось лучше, он проявлял чрезмерную активность, забывая о своей болезни, а потом снова возникали обострения. 14 сентября Сталин вернулся в Москву из отпуска, и после этого врачи в Москве активизировали свои действия. Мандрыка был отозван в Москву и 16 сентября сделал доклад консилиуму из нескольких врачей. Среди них были, в частности, уже упоминавшийся Левин и заведующий хирургическим отделением Боткинской больницы В. Розанов, который пользовался доверием у Сталина, после того как в 1921 г. успешно удалил ему аппендикс. Консилиум признал необходимым незамедлительно командировать в «Мухалатку» хирурга и терапевта для того, чтобы осуществлять контроль за состоянием здоровья Фрунзе. «Он должен лежать с соблюдением абсолютного покоя и жидкой диеты»³.

На следующий день Политбюро приняло по предложению Сталина следующее постановление: «а) Предписать т. Фрунзе неукосни-

² ШИХММ. 95-н.в. 4286.

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 186. Л. 16.

Владимир Николаевич Розанов.
Из открытых источников

тельно выполнять все предписания врачей. б) Поручить т. Семашко установить строгое наблюдение за соблюдением врачебных предписаний»⁴. 1 октября Фрунзе вернулся в Москву, и 2 октября газета «Экономическая жизнь», орган СТО (Совет труда и обороны — комиссия Совнаркома, руководившая текущей экономической деятельностью), в разделе «Хроника», где публиковались официальные новости, поместила такое сообщение: «Вчера возвратился из отпуска и приступил к исполнению своих обязанностей председатель Реввоенсовета СССР тов. М.В. Фрунзе». По-видимому, это сообщение было основано на информации о его нормальном состоянии, что было естественно после отдыха в Крыму под контролем врачей. А вот другие центральные газеты «Правда» и «Известия» информировали читателей в тот же день о возвращении Фрунзе 1 октября в Москву без указания на то, что он приступил к работе. Возможно, они печатались несколько позже и получили более точную информацию о его направлении в Кремлевскую больницу.

2 октября консилиум профессоров при Лечебно-санитарном управлении Кремля под руководством начальника управления и Лечебной комиссии ЦК РКП(б) П. Обросова с участием Розанова и Левина принял решение «поместить Фрунзе с 2 октября в Кремлевскую

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 519. Л. 5.

Николай Александрович Семашко.
Из открытых источников

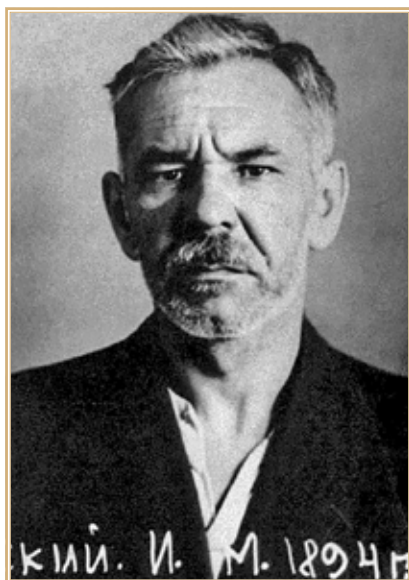
больницу для всесторонних клинических исследований и наблюдения на предмет установления точного диагноза и рассмотрения чрезвычайно серьезного вопроса о показании к оперативному вмешательству. До нового постановления консилиума больной должен находиться в больнице без выхода»⁵. Это означало, что он не мог принять участие в работе пленума ЦК РКП(б), который открылся 3 октября. Возражать Фрунзе не мог после принятия выше цитированного постановления Политбюро.

Следующий консилиум состоялся 8 октября с участием наркома здравоохранения Н. Семашко и 11 врачей. Консилиум признал, что Фрунзе болен язвой двенадцатиперстной кишки и остатками инфлюэнции, начавшейся на пути из Крыма в Москву. Главный вывод консилиума заключался в том, что «болезнь ввиду ее упорства и склонности к кровотечению требует оперативного вмешательства»⁶. Указывалось, что для подготовки к операции Фрунзе должен не менее десяти дней оставаться в больнице, а точной срок операции будет установлен следующей консультацией.

Новый консилиум из 15 человек, уже без Семашко, который уехал из Москвы, состоялся 24 октября. Он подтвердил прежний диагноз

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 186. Л. 17.

⁶ Правда. 3 ноября 1925.

Иван Михайлович Гронский.
Из открытых источников

и вывод о необходимости операции: «Длительность заболевания и наклонность к кровотечению, могущему оказаться жизненно-опасным, не дают права рисковать дальнейшим выжидательным лечением»⁷. Вместе с тем в заключении признавалось, что операция будет трудной и серьезной, после нее возможны рецидивы, и в дальнейшем от больного потребуется соблюдать определенный режим и продолжить лечение. Тем не менее консилиум наметил операцию на ближайшие дни.

Во время пребывания в больнице Фрунзе чувствовал себя работоспособным, читал документы, встречался с должностными лицами, принимал посетителей, но накануне операции стал нервничать. Показательно письмо жене от 26 октября, которое она не успела получить, так как срочно выехала в Москву, узнав о проведенной операции. Письмо вернулось в секретариат Фрунзе и 5 ноября было направлено Сталину. Оно неоднократно частично цитировалось в книгах и статьях, но тем не менее здесь не обойтись без некоторых цитат. Фрунзе писал: «Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, но даже думать об операции... У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае как-то трудно объяснить факт моей быстрой поправки

⁷ Там же.

после отдыха и лечения»⁸. В этой связи он выражал удивление решением врачей об операции: «Тем не менее оба консилиума постановили ее делать». Желая успокоить больную жену, он утверждал: «Лично я этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть и попытаются наметить настоящее лечение». В конце письма Фрунзе писал: «Я настроен хорошо и совершенно спокоен»⁹.

В тот же день он встретил в Кремлевской больнице партийного работника И. Гронского, с которым виделся однажды во время Гражданской войны. Гронский вспоминал, как Фрунзе говорил ему, что операция предстоит не столь значительная: «Владимир Николаевич Розанов уверяет, — а я верю ему, — что в больнице долго меня не задержат»¹⁰. Настрой Фрунзе на скорое продолжение своей деятельности подтверждается и содержанием его пространного письма Сталину, написанного на следующий день 27 октября. В нем он высказывал свои соображения о разных государственных делах, рассказывал, как он их обсуждал 26 октября на встречах с полпредом СССР в Китае А. Карahanом (Фрунзе возглавлял Китайскую комиссию Политбюро, созданную в марте 1925 г.) и с председателем ВСНХ и ОГПУ Ф. Дзержинским. При этом он заметил, что вся история, связанная с операцией, «по крайней мере, на несколько недель оторвет меня от работы»¹¹.

С другим настроением Фрунзе говорил со своими старыми друзьями. Его приятель И. Гамбург, помощник командующего ВВС, был у него за несколько дней до операции и заметил, что он мрачно настроен перед операцией. Гамбург убеждал его отказаться от нее, раз у него плохие предчувствия: «Но он отрицательно покачивал головой: — Сталин настаивает на операции; говорит, что надо раз и навсегда освободиться от язвы желудка. Я решился лечь под нож»¹². Конечно, многие люди испытывают опасения перед операциями, но в случае с Фрунзе ситуация осложнялась тем, что он чувствовал себя здоровым и проводил деловые встречи в больнице.

29 октября в «Правде» появилось краткое сообщение о болезни Фрунзе. В нем говорилось о том, что согласно заключению четырех профессоров, среди которых назывались Обросов и Розанов, Фрунзе

⁸ Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. М.: Наука, 1991. С. 262.

⁹ Там же. С. 263.

¹⁰ О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников М.: Политиздат, 1985. С. 234.

¹¹ Там же. Л. 54.

¹² Гамбург И. Так это было... Воспоминания. М.: Политиздат, 1965. С. 182.

был помещен в Боткинскую больницу «для ликвидации болезненных явлений со стороны желудочно-кишечного тракта». Для людей близких к медицине и партийным верхам это означало, что готовится операция, потому что в Кремлевской больнице подобные операции не делали. Тем не менее сообщение заканчивалось успокоительно: «Самочувствие тов. Фрунзе хорошее, пульс и температура нормальные».

В тот же день, когда появилось это сообщение, Розанов, который считался ведущим хирургом страны, провел операцию. На операции присутствовал Обросов в качестве политического контролера. Согласно заключению об операции «больной трудно засыпал и оставался под общим наркозом 1 час 5 минут, а сама операция продолжалась 35 минут»¹³. Наркоз давал ученик Розанова А. Очкин, который был знаком со Сталиным со времен Гражданской войны, когда он работал главным врачом в госпитале 1-й Конной армии. Вначале он безрезультатно пытался усыпить больного эфиром, дав ему 140 граммов, а затем прибег к большой дозе хлороформа — 60 граммов по официальному сообщению¹⁴, что, по мнению врачей, и тогда, и сейчас считается опасным. В результате операции возникли обострение гнойного воспаления брюшины и упадок сердечной деятельности, от чего Фрунзе и умер спустя два дня. В протоколе вскрытия говорилось о «нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции»¹⁵. Известный публицист М. Кольцов писал в «Правде» 3 ноября: «Можем ли мы упрекнуть бедное сердце за сдачу перед шестьюдесятью граммами хлороформа».

Сразу после публикации в газетах протокола вскрытия и информации о ходе операции во врачебной среде появились разговоры о врачебных ошибках. Например, профессор Терешенков прислал в «Рабочую газету» заметку под названием «Нельзя молчать. От чего умер Фрунзе», которую редакция переслала Сталину 4 ноября. Приводя конкретные примеры из опубликованной информации, врач делал вывод: «Несомненно, в операции тов. Фрунзе мы имеем большие промахи врачей»¹⁶.

Конечно, мнение отдельного врача не может являться бесспорной истиной. Но все подобные разговоры послужили основанием

¹³ Правда. 3 ноября 1925.

¹⁴ Правда. 31 октября 1925.

¹⁵ Правда. 1 ноября 1925.

¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 62. Д. 186. Л. 68.

Александр Николаевич Винокуров.
Из открытых источников

для обсуждения смерти Фрунзе на заседании бюро общества старых большевиков 19 ноября с приглашением Семашко. В РГАСПИ хранится протокол этого заседания. На нем присутствовали 10 человек, занимавших ответственные посты. С докладом выступил председатель Верховного суда СССР А. Винокуров. Он получил медицинское образование на медицинском факультете Московского университета и до революции некоторое время вел частную врачебную практику наряду с участием в революционном движении. Сопоставляя данные диагноза до операции с результатами вскрытия, он делал вывод об отсутствии показаний к срочной операции: «Можно было ждать и сделать операцию с вызовом зарубежных спецов в этой области. В результате операции получился гнойный перитонит (воспаление брюшины), поведший быстро к смерти от паралича сердца»¹⁷.

Вслед за ним выступил Семашко, попытавшийся защитить и необходимость операции, и врачей, ее проводивших. Он заявил, что у Фрунзе были неоднократные кровотечения, приведшие к тяжелому упадку сил. Вместе с тем он признал, что на первом консилиуме с его присутствием (8 октября) «между врачами были разногласия. Против операции был Левин, а также Розанов». Далее он сообщил: «Перед операцией Розанов беседовал с тт. Сталиным и Зиновьевым, объяснив,

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 3. Д. 15. Л. 134.

что операция очень сложная, что это случай застарелой болезни и т.д. В результате т. Сталин высказался за операцию (о позиции Зиновьева Семашко ничего не сказал). Розанов отсрочивал операционное вмешательство». Причиной смерти Семашко назвал наркоз, которому Фрунзе поддавался чрезвычайно тяжело, при наличии осложняющего положения перитонита.

Прокурор Верховного суда П. Красиков задал вопрос: «Почему не были привлечены заграничные знаменитости или почему нельзя было оперировать тов. Фрунзе за границей, где и наркоз производится легче?»¹⁸ Отвечая ему, Семашко сказал, что операции язвы желудка здесь делаются весьма часто, Розанову можно полностью довериться. Иного мнения он был об Обросове: «Правда, что я выставил его из наркомата здравоохранения, но что же делать, если ЦК и ЦКК (Центральная контрольная комиссия) ему доверяют». Он заявил, что если бы присутствовал при самой операции, то, может быть, приостановил ее продолжение. Здесь стоит заметить, что Розанов, вероятно, мог остановить операцию, когда выявились трудности с засыпанием больного, но тогда он должен был вступить в конфликт с Обросовым, чего не хотел.

Красикова объяснения Семашко не удовлетворили. По его словам, «вопрос о консилиуме стоит неправильно: при разногласии следует устроить еще более компетентный консилиум». Принципиально важное утверждение он высказал, говоря о политконтроле: «Слова Сталина и Зиновьева нам ничего не говорят, так как они не медики. Политический врач должен иметь решающее слово, а не Сталин. Обросов не авторитет, несмотря на то что его признают ЦК и ЦКК». В словах Красикова были определенные противоречия. Употребляя термин «политический врач», он имел в виду квалифицированного врача, члена партии, но в соответствии с партийной дисциплиной тот всегда говорил бы то, что хотел Сталин.

Председательствовавший на заседании член ЦКК Н. Подвойский за несколько дней до операции посетил Фрунзе, и для него смертельный исход был полной неожиданностью. Он говорил достаточно резко: «Картина, как т. Фрунзе сомневался и метался или сообщение, как д-р Левин хотел отговаривать т. Фрунзе от операции, меня страшно удручает. Фрунзе колебался, врачи колебались, а наркомздрав уезжает,

¹⁸ Там же. Л. 134 об.

Борис Соломонович Вейсброд.
Из открытых источников

оставляя больного на руках Обросова и Розанова»¹⁹. Он видел и вину врачей, особенно Обросова: «Последние бюллетени носили характер самооправдания врачей. ...Как тов. Семашко мог, выгнав Обросова из НКЗ, сохранить его в ЦК и оставить на его попечение тов. Фрунзе»²⁰. Справедливости ради, надо сказать, что вряд ли от Семашко в конечном счете зависело назначение руководителя Лечебно-санитарного управления Кремля и Лечебной комиссии ЦК.

В защиту врачей попытался выступить на заседании авторитетный деятель медицины Б. Вейсброд. Он еще до революции много лет работал в хирургическом отделении 1-й градской больницы Москвы, а с 1922 г. был главным врачом 2-й градской больницы. Он утверждал: «Операция безусловно нужна была. Иначе тов. Фрунзе все равно скоро бы стал инвалидом»²¹. Но ведь не умер бы. Вместе с тем врач признал: «При разногласии консилиума нельзя было так быстро согласиться на операцию». По его мнению, смерть наступила от перитонита, которого не было до операции.

В постановлении бюро подчеркивалась «необходимость обновления группы врачей, лечащих ответственных работников, ввиду ряда

¹⁹ Там же. Л. 135.

²⁰ Там же. Л. 135 об.

²¹ Там же. Л. 134 об.

Борис Андреевич Пильняк (Бернгард Вогау).
Из открытых источников

неудачных случаев»²². В качестве примера такого случая приводилась смерть крупного партийного и государственного деятеля председателя Центральной ревизионной комиссии РКП(б) и председателя Всероссийского текстильного синдиката В. Ногина. Он несколько лет страдал от болей в области желудка, был установлен диагноз «язва двенадцатиперстной кишки» в еще более тяжелой форме, чем у Фрунзе. 17 мая 1924 г. Розанов провел ему операцию, но через 5 дней Ногин умер от воспаления брюшины. Безусловно, хирург помнил о таком исходе и потому пытался отсрочить операцию Фрунзе. Вероятно, и Сталин помнил о кончине Ногина после необходимой ему операции.

Из протокола заседания бюро ясно следует, что операция была проведена по настоянию Сталина. Но остается вопрос, почему он настаивал. Сам он говорил, что заботится о состоянии здоровья Фрунзе, хотя знал о рисках, связанных с операцией. Один из ближайших соратников Сталина А. Микоян, в то время бывший секретарем Северо-Кавказского крайкома партии, в своих воспоминаниях рассказывает, как он со Сталиным встречались незадолго до операции с Розановым. Сталин спросил хирурга: «Верно ли, что операция, предстоящая Фрунзе, не опасна?» Тот ответил, что, как и всякая операция, она определенную долю опасности представляет. Тогда Сталин задал вопрос: «Ну,

²² Там же. Л. 134.

а если бы вместо Фрунзе был, например, ваш брат, стали бы вы делать ему такую операцию или воздержались бы?»²³ Розанов ответил, что воздержался бы, и далее разъяснил, что язвенная болезнь такова, что, если больной будет выполнять предписанный режим, можно обойтись и без операции. Затем он добавил очень неубедительную фразу о том, что Фрунзе невозможно удержать в рамках такого режима. После этого, как пишет Микоян, решение об операции осталось в силе.

Слухи о причастности Сталина к решению об операции Фрунзе послужили поводом Б. Пильняку написать «Повесть непогашенной луны», которая была опубликована в майском номере журнала «Новый мир» за 1926 г. Он написал ее на основе разговоров с близкими к Фрунзе людьми, в частности с редактором журнала «Красная новь» А. Воронским, кому и была посвящена повесть. В ней командарму Гаврилову вопреки его желанию какой-то безымянный большой начальник приказывает сделать операцию, чтобы излечиться от язвы желудка. Правда, в предисловии автор писал, что он не имел в виду описать смерть Фрунзе, но в это мало кто поверил.

Вскоре после выхода журнала с повестью в свет 13 мая 1926 г. было принято постановление Политбюро, в котором повесть признавалась «злостным, контрреволюционным и клеветническим выпадом против ЦК и партии»²⁴. И далее в постановлении фактически подтверждалось широкое распространение тех слухов, которыми пользовался Пильняк: «Констатировать, что вся фабула и отдельные элементы рассказа Пильняка “Повесть непогашенной луны” не могли быть созданы Пильняком иначе, как на основании клеветнических разговоров, которые велись некоторыми коммунистами вокруг смерти тов. Фрунзе, и что доля ответственности за это лежит на тов. Воронском. Объявить тов. Воронскому за это выговор»²⁵. Тираж журнала был конфискован. Сталин на пленуме ЦК партии в июле 1926 г. назвал намек в повести на его причастность к смерти Фрунзе «гнусной легендой»²⁶.

Пильняк опроверг все обвинения в свой адрес в письме председателю Совнаркома СССР А. Рыкову в октябре 1926 г., когда он вернулся из-за границы. Он утверждал, что не думал обвинить Сталина, а «задумал написать рассказ о том, как машина человеческого кол-

²³ Микоян А. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 284.

²⁴ Млечин Л. Фрунзе. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 245.

²⁵ Там же. С. 246.

²⁶ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. М.: Научно-политическая книга, 2023. С. 722.

Бела Кун, Жак Садуль, Лев Троцкий, Михаил Фрунзе, Сергей Гусев.
Из открытых источников

лектива подчиняет себе человеческие индивидуальности, и о том, как благие пожелания в нашей российской действительности очень часто превращаются в катастрофические непоправимости, ...злобствовал я только против врачей»²⁷. Независимо от того, что он лукавил, в его объяснении было много справедливого.

Эта повесть была переиздана во время перестройки, и уже тогда появилась идея о том, что Сталин хотел руками врачей устранить крупного политика Фрунзе, чтобы заменить его послушным К. Ворошиловым на посту наркома. Эта идея и в постсоветской России получила хождение. Так, В. Тополянский, врач по профессии, подробно исследовал смерть Фрунзе в своей книге «Вожди в законе», вышедшей в 1996 г. В ней он утверждал, что операция была необходима, и в то же время указывал на ошибки Очкина, давшего чрезмерную дозу наркоза. Их он связывал с указаниями Сталина. К концепции Тополянского присоединился Л. Млечин, который цитировал его в своей книге «Фрунзе», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» в 2014 г.

Думаю, что объяснение требований Сталина о проведении операции, несмотря на возможные риски для жизни больного, его желанием заменить Фрунзе Ворошиловым навеяно репрессиями против выс-

²⁷ Киянская О., Фельдман Д. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х — 1930-х годов. М.: Форум, 2015. С. 118–119.

шего командного состава в 30-е гг. Но в середине 20-х ситуация была иная. Фрунзе, с которым у Сталина были нормальные отношения, подчинялся партийной дисциплине, и его можно было при желании снять решением Политбюро, не лишая жизни. Какова же более вероятная причина действий Сталина?

В ее поиске мне помог разговор с бывшим членом партийного руководства А. Микояном, состоявшийся осенью 1977 г. Я приехал к нему в Кремль, чтобы договориться о выступлении в Институте физических проблем, где я тогда работал, в связи с очередной круглой датой со дня Октябрьской революции. Он уже выступал у нас в 1967 г., и его выступление вызвало большой интерес. Спустя 10 лет директор института академик П.Л. Капица предложил вновь его позвать. В разговоре с Микояном я спросил, была ли реальная альтернатива Сталину как лидеру партии. Он ответил, что был только один деятель в руководстве партии, которой мог составить такую альтернативу — это Фрунзе. Микоян в 1925 г. был членом ЦК компартии и сам близко знал всех членов партийного руководства. Он называл человека, за которого тогда действительно могли проголосовать члены ЦК в случае выдвижения его кандидатуры на пост генсека.

Сходную с мыслью Микояна выразила позднее в своих воспоминаниях Е. Драбкина, дочь крупного партийного деятеля С. Гусева, занимавшего различные ответственные посты. В частности, в 1920 г. он был членом РВС Южного фронта, когда им командовал Фрунзе, в 1921 г. — начальником Политического управления Реввоенсовета, а в середине 20-х гг. — заведующим отделом печати ВКП(б), членом Президиума ЦКК. В этом качестве он присутствовал на многих заседаниях партийного руководства и знал настроения в партийных верхах. От отца Драбкина тоже знала об этих настроениях.

В книге «Зимний перевал», опубликованной в 1990 г., она напоминала о том, что делегаты XIII съезда партии не последовали совету Ленина в его «Письме к съезду» сместить Сталина с поста генсека, и добавляла: «Были, однако, товарищи, которые считали, что завещание Ленина должно быть, безусловно, выполнено. Было имя, которое называлось, как имя человека, способного сменить Сталина на посту генсека, имя Михаила Васильевича Фрунзе»²⁸. Далее она объясняла, почему его уважали: «Прежде всего потому, что дар выдающегося военачальника сочетался в нем с цельностью характера и талантом това-

²⁸ Драбкина Е. Зимний перевал. М.: Политиздат, 1990. С. 362.

рищества, создававшим вокруг него отрадную атмосферу благородного содружества».

Действительно, в воспоминаниях о Фрунзе отмечались его обаяние, человечность, умение подходить к людям. Так, секретарь ВЦИК А. Киселев, много лет знавший Фрунзе, писал: «Он был редкостным человеком: необыкновенная чуткость, мягкость, человечный подход к каждому товарищу»²⁹. Комиссар его штаба В. Сулацкий вспоминал: «Особенно восхищало нас умение Михаила Васильевича разговаривать с людьми. Он никогда никого не унижал, никогда не навязывал другому своих мыслей, а терпеливо убеждал»³⁰. Военком бригады Я. Чанышев писал, что «ни разу не слышал от Фрунзе ругани, грубости и унижения своих подчиненных»³¹. Его близкий друг Воронский отмечал: «Он умеет ладить»³². Сталин в своих письмах знакомым Фрунзе после его смерти также писал о его тактичности. Например, в письме командиру корпуса на Украине Я. Фабрициусу от 25 ноября 1925 г. он называл Фрунзе «милым и отнюдь не жестким человеком»³³. Ленин в «Письме к съезду» рекомендовал избрать на пост генсека человека, «который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности»³⁴. Фрунзе как раз удовлетворял этим критериям.

Характерной чертой Фрунзе являлась его способность ладить с людьми, которые друг друга с трудом выносили. Так, он привлекал для работы бывших царских офицеров и генералов. Когда он командовал Восточным и Туркестанским фронтами, его заместителем был генерал Ф. Новицкий. Такую линию он вел в соответствии с курсом, который проводил председатель Реввоенсовета Троцкий при поддержке Ленина, защищавший этот курс от нападок радикальных коммунистов, выступавших против привлечения царских офицеров на командные посты.

Но и после того, как с 1923 г. перестал работать Ленин, а против Троцкого началась борьба тройки членов Политбюро — Сталина,

²⁹ Большевик-воин. Михаил Васильевич Фрунзе. М., 1926. С. 33.

³⁰ О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Политиздат, 1985. С. 240.

³¹ Там же. С. 177.

³² Большевик-воин. Михаил Васильевич Фрунзе. М., 1926. С. 41.

³³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 821. Л. 63.

³⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М.: Политиздат, 1982. С. 346.

председателя Исполкома Коминтерна Г. Зиновьева и председателя СТО Л. Каменева, Фрунзе продолжал ту же линию. Он защищал военспецов от обвинений со стороны органов ОГПУ, которые возбуждали против них дела, в частности, против сотрудников артиллерийского управления во главе с руководителем управления генерал-лейтенантом Г. Шейдеманом. Незадолго до смерти 18 августа 1925 г. Фрунзе писал заместителю председателя ОГПУ Г. Ягоде по поводу продолжения расследования по делу артуправления: «С результатами старых дознаний я ознакомился полностью и оснований для создания процесса, по-моему, нет. Наиболее целесообразным я считал бы прекратить это дело, по крайней мере, в отношении Шейдемана и дать ему возможность использовать остаток своих сил для работы»³⁵.

С другой стороны, он сохранял дружеские отношения с К. Ворошиловым и С. Буденным, которые были в числе тех, кто с недоверием относился к бывшим царским офицерам. Эта его способность находить общий язык с разными людьми позволяет объяснить, почему некоторые партийные деятели видели в нем приемлемую компромиссную фигуру, когда начался конфликт между членами тройки членов Политбюро.

Его начал Сталин, стремясь к своей бесконтрольной власти. Через две недели после того, как пленум ЦК в начале июня 1924 г. вновь избрал его генсеком, он выступил с докладом об итогах XIII съезда партии на курсах секретарей уездных комитетов партии при ЦК РКП(б). В докладе, опубликованном в «Правде», содержались нападки на Зиновьева и Каменева. Этот его публичный поступок нарушал договоренности внутри так называемой «семерки». Она действовала с начала 1924 г. и состояла из шести членов Политбюро (за исключением Троцкого) и председателя ЦКК В. Куйбышева. По словам Зиновьева, она вначале была малооформленной.

Целью ее создания было нахождение консенсуса по острым вопросам в закрытом порядке без привлечения должностных лиц. А затем на заседаниях Политбюро с участием более широкого круга чиновников принятое на «семерке» решение уже оформлялось. По некоторым важным деликатным темам ограничивались обсуждением на «семерке». Идея была в том, чтобы разногласия внутри большинства Политбюро не становились публичными и известными даже многим членам ЦК.

³⁵ ШИХММ. 95-н.в.4075.

Выступление Сталина разрушило этот план, и Зиновьев с Каменевым стали обсуждать меры противодействия его замыслу. Было решено вынести конфликт на уровень ЦК, но не в полном составе, а в виде так называемой «фракции ленинцев» с исключением сторонников Троцкого и хозяйственников. В начале августа Политбюро приняло решение о созыве в середине августа очередного пленума ЦК, во время которого и должно было пройти заседание фракции. В ходе подготовки к этому заседанию Зиновьев и Каменев обсуждали с некоторыми его участниками различные способы ослабления претензий генсека на единовластие. Кто-то предлагал найти и другую кандидатуру на этот пост, среди прочих называлась и фамилия Фрунзе по вышеизложенным причинам.

Сталин знал заранее о всех замыслах своих оппонентов. Как пишет бывший секретарь Сталина Б. Бажанов, сбежавший в 1928 г. за границу, Сталин с помощью специальной установки автоматической телефонной связи мог подслушивать разговоры своих коллег, которые велись по узкой правительственной связи — «вертушке»³⁶. Для снижения угрозы он решил прибегнуть к помощи врачей, чтобы не допустить Фрунзе на заседание фракции. Ведь факт наличия у него хронической болезни желудочно-кишечного тракта был давно известен руководству страны. Еще в начале апреля 1922 г. Политбюро рассматривало результаты медицинского осмотра ответственных работников, и в нем среди прочего было рекомендовано направить Фрунзе на лечение в Германию.

7 августа 1924 г. Политбюро отправило его в месячный отпуск для лечения. Замысел Сталина, по-видимому, состоял в том, чтобы не допустить его выступления, как авторитетного и беспристрастного человека, которое могло повлиять на настроения многих членов ЦК, опасавшихся открытого раскола среди членов Политбюро. Они могли прислушаться к каким-нибудь компромиссным предложениям Фрунзе.

Здесь Сталин мог вспомнить о своем опыте ограничения деятельности Ленина в период его болезни. 18 декабря 1922 г. пленум ЦК возложил на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами. Среди прочего ему были запрещены свидания и получение информации о политической

³⁶ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: III тысячелетие, 2002. С. 61.

жизни, чтобы не волновать, но было разрешено диктовать заметки. В дневнике дежурных секретарей Ленина есть запись Л. Фотиевой от 9 февраля 1923 г., согласно которой Ленин сказал, что немецкий врач Ферстер нашел улучшение и склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет. Но уже через 3 дня 12 февраля Фотиева записала, что Ленину стало хуже: «Его расстроили врачи до такой степени, что дрожали губы. Ферстер сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация». На вопрос Ленина, что он имеет в виду под ней, врач ответил, например, вас интересует вопрос о переписи советских служащих. «Эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. У Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам»³⁷.

В этом как раз и была суть сталинского способа, которую Ленин раскусил раньше своих коллег по Политбюро. Даже немецкий врач Ферстер был готов выполнять указания Сталина, вероятно, потому что получал очень большой гонорар за лечение. Особенно Сталина беспокоила возможность свидания Зиновьева и Каменева с Лениным, о котором они просили. Им троим стало известно ленинское письмо к съезду с рекомендацией снять Сталина с поста генсека. Хотя Зиновьев и Каменев выступали против этого предложения, чтобы не допустить Троцкого на этот пост, Сталин опасался перемены их позиции под влиянием разговора с Лениным.

Молотов так излагал весь этот эпизод в беседе с Ф. Чуевым: «Сталин провел решение секретариата, чтобы не пускать к Ленину Зиновьева и Каменева, раз врачи запретили. Они пожаловались Крупской. Та возмутилась, сказала Сталину, а Сталин ей ответил: “ЦК решил и врачи считают, что нельзя посещать Ленина”. — “Но Ленин сам хочет этого!” — “Если ЦК решит, то мы и вас можем не допустить”»³⁸.

Тем не менее Зиновьев и Каменев настаивали, как ближайшие многолетние соратники Ленина, на встрече с ним. Тогда Сталин внес в Политбюро предложение об освобождении его от обязанностей наблюдать за исполнением режима, установленного врачами для Ленина. Политбюро 1 февраля 1923 г. отклонило его предложение. Можно не сомневаться, что Сталин предварительно убедил других коллег по Политбюро Рыкова и руководителя профсоюзов М. Томского в том,

³⁷ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М.: Политиздат, 1982. С. 485.

³⁸ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991. С. 212.

что для лечения Ленина необходимо не допускать к нему никого, и получил в результате большинство. Само по себе ограничение свиданий с Лениным было оправдано, потому что у Ленина ухудшалось здоровье, если ему сообщали плохие новости. Но от встречи с ближайшими сотрудниками ему хуже бы не стало, а от запрета на нее могло быть.

На заседании фракции ленинцев в середине августа 1924 г. большинство осудило публичную критику Сталиным Зиновьева и Каменева. Шли разговоры о том, чтобы перевести его на другой пост, оставляя в Политбюро. Проявив свой твердый и сильный характер, Сталин 19 августа направил Куйбышеву просьбу об отставке, которая в наши дни неоднократно цитировалась. Мне кажется важным обратить внимание на то, что он писал не только об отставке с поста генсека, но и о сложении с себя обязанностей члена Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Это означало, что ни на какой другой пост, кроме генсека, он не собирался соглашаться. Отставка Сталина не была принята.

Фракция организационно оформила ранее действовавшую «семерку», к членам которой были с совещательным голосом добавлены кандидаты в члены Политбюро и среди них Фрунзе. Члены «семерки» обязывались публично не выступать друг против друга. Как сообщил Зиновьев в июле 1926 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, «эта фракционная семерка собиралась каждый вторник, иногда и чаще... составляла порядок дня Политбюро и предварительно его обсуждала... Она обсуждала не только вопросы, по которым мы расходились с т. Троцким, но и вопросы, касающиеся всей жизни и деятельности партии»³⁹.

И после этого заседания фракции ленинцев Сталин продолжал более тонкими методами добиваться ослабления влияния Зиновьева и Каменева. Так, он не стал препятствовать выходу в октябре 1924 г. статьи Троцкого «Уроки Октября». В ней автор напоминал о публичном несогласии Зиновьева и Каменева в октябре 1917 г. с вооруженным восстанием. На конец октября 1924 г. были намечены пленум ЦК и соответственно заседание фракции ленинцев, где Зиновьев и Каменев могли снова поставить вопрос о генсеке.

И опять возникает необходимость лечения Фрунзе. 2 октября 1924 г. Политбюро приняло решение о месячном отпуске Фрунзе и Ворошилова, а спустя неделю конкретизировало постановление от-

³⁹ Объединенный пленум ЦК ЦКК ВКП(б) 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы. М.: Научно-политическая книга, 2023. С. 625.

носителем Фрунзе на основании письма Семашко: «а) Обязать тов. Фрунзе выехать за границу для лечения на срок, указанный врачами. б) Поручить т. Молотову выяснить с тов. Семашко действительное положение тов. Фрунзе»⁴⁰. За границу Фрунзе так и не поехал, но и в работе октябрьского пленума ЦК участия не принимал.

Зиновьев на октябрьском пленуме ЦК вопрос о генсеке не поднимал. Он решил избрать более надежный путь для одобрения своего предложения. В речи на пленуме он делал упор на выдвинутый им еще летом 1924 г. лозунг «Лицом к деревне», надеясь получить поддержку в борьбе со Сталиным таких сторонников улучшения отношения к крестьянству, как члены Политбюро Н. Бухарин, Рыков, председатель ВЦИК М. Калинин. В кулуарах пленума Сталин обвинял Зиновьева в крестьянском уклоне, но после изменил тактику и сам стал сторонником такого улучшения. В результате принципиальная основа для борьбы со Сталиным сузилась и на первый план выдвинулись личные взаимоотношения.

После октябрьского пленума ЦК развернулась оголтелая кампания критики Троцкого за «Уроки Октября». В проекте резолюции, которую подготовили для «семерки» Зиновьев и Каменев, Троцкого обвиняли в «сознательном извращении истории партии»⁴¹. Каменев пошел еще дальше. В проекте резолюции совещания актива МК РКП (б), отправленном в «семерку» 17 ноября, он обвинял статью Троцкого в том, что она «по своему идейному содержанию является попыткой подменить ленинизм троцкизмом»⁴². На этом проекте Сталин написал «Правильно»⁴³. 26 ноября в «Правде» были опубликованы выступления Каменева и Сталина с резкой критикой Троцкого. В ноябре — декабре в адрес ЦК партии поступило много резолюций местных партийных комитетов с требованием снять Троцкого с поста председателя РВС и вывести из Политбюро.

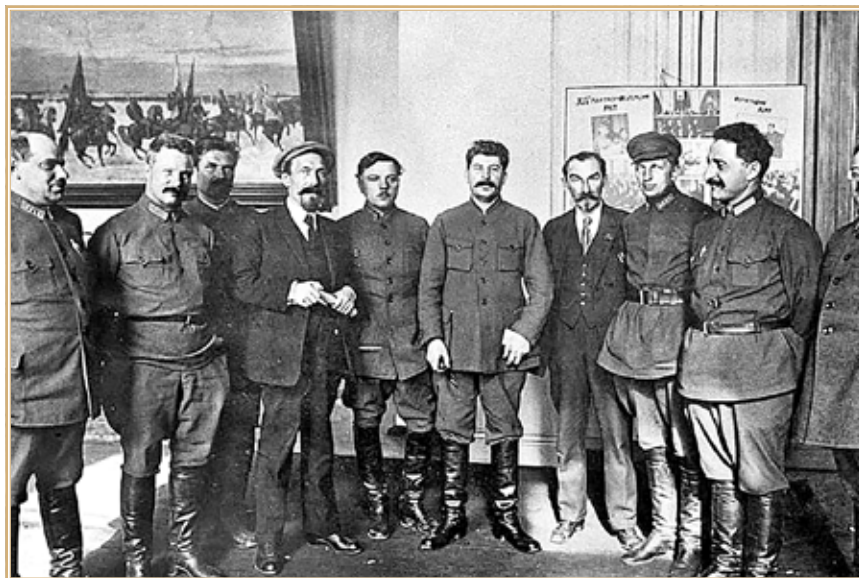
В конце декабря снятие Троцкого с этого поста было предрешиено в партийном руководстве, и его естественным преемником должен был стать Фрунзе, ставший заместителем председателя РВС в марте 1924 г. И тут у Зиновьева и Каменева появилась идея выдвинуть на пост председателя РВС Сталина, а генсеком предложить Фрунзе, пользовавшегося большим авторитетом в стране. Эту рокировку руководящих

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 467. Л. 6.

⁴¹ Известия ЦК КПСС. № 7. 1991. С. 159.

⁴² Там же. С. 165.

⁴³ Там же. С. 166.

XIV партконференция, апрель 1925 г. (М.В. Фрунзе второй слева).
Из открытых источников

кадров Зиновьев в декабре обсуждал на узком совещании с некоторыми ведущими членами ЦК, среди которых был генеральный секретарь ЦК компартии Украины Э. Квиринг.

Об этой идее узнал Сталин. А 5 января 1925 г. Квиринг написал Сталину письмо, в котором фактически подтвердил уже известную ему информацию о планах лишить его поста генсека. Он сообщал, что на совещаниях секретарей губкомов с военными работниками Украины называлась кандидатура Сталина или Дзержинского на должность предреввоенсовета⁴⁴. Дзержинский, конечно, был назван для отвода глаз. Позднее председатель ЦКК компартии Украины Д. Лебедь прислал Сталину докладную записку, в которой сообщал, что на совещании Политбюро ЦК КП(б)У «Квиринг признался, что был на одном узком совещании, где обсуждался вопрос о различных персональных комбинациях и, в частности, основной»⁴⁵. Действительно, вопрос о выборе генсека был основным, а оставлять Троцкого в Политбюро или нет — второстепенным.

Сталин сделал выводы из полученной информации. 3 января Политбюро в присутствии Фрунзе по заключению врачей постановило: «Обязать т. Фрунзе пролежать с 5 по 12 января 25 г. в «Архангель-

⁴⁴ Известия ЦК КПСС. № 8. 1991. С. 180.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 48. Л. 15.

ском»⁴⁶. Как раз на эту неделю было намечено заседание «семерки» с обсуждением кандидатур на должность председателя РВС, в котором Фрунзе был лишен возможности принять участие.

Еще один вывод заключался в том, что генсек неожиданно резко изменил свою позицию по отношению к исключению Троцкого из Политбюро, которое предлагал Зиновьев в своем проекте резолюции «семерки», направленном Сталину 4 января. 5 января Сталин вместе с Бухариным внес поправку к проекту Зиновьева резолюции «семерки», в которой предлагалось: «т. Троцкий освобождается от поста предреввоенсовета и остается членом Политбюро»⁴⁷. Мотивировалось оставление Троцкого в Политбюро малоубедительно: «Партии выгоднее иметь т. Троцкого внутри Политбюро в качестве 7-го члена, чем вне Политбюро».

В чем на самом деле была причина такой внезапно появившейся терпимости Сталина? Бухарин действительно был изначально против вывода Троцкого из Политбюро, так как выступал за преодоление раскола в руководстве. Присоединяясь к нему, Сталин получал сторонника при обсуждении предложений оппонентов о снятии его с поста генсека. Против исключения Троцкого выступил и другой член «семерки» — Томский, о чем он написал Сталину накануне заседания 6 января⁴⁸.

Вопрос о снятии Троцкого и выборе замены обсуждался на заседании «семерки» 6 января. В воспоминаниях сторонника троцкистской оппозиции А. Боярчикова, передающего слова Каменева, говорится, что на этом заседании Зиновьев предложил на пост генсека Фрунзе⁴⁹. На том же заседании Каменев предложил выдвинуть Сталина на пост председателя Реввоенсовета, о чем рассказал Молотов на XIV съезде компартии в декабре 1925 г.⁵⁰ Боярчиков пишет, что Сталин резко выступил на заседании против его перевода с поста генсека. Он заявил, что «такая перегруппировка выгодна только врагам партии и приведет партию к расколу»⁵¹.

«Семерка» решила большинством голосов выдвинуть на пост председателя РВС Фрунзе, оставив Троцкого в Политбюро, о чем Сталин

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 483. Л. 5.

⁴⁷ Известия ЦК КПСС. № 8. 1991. С. 180.

⁴⁸ Там же. С. 181.

⁴⁹ Боярчиков А. Воспоминания. М.: АСТ, 2003. С. 107.

⁵⁰ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М; Л.: ГИЗ, 1926. С. 484.

⁵¹ Боярчиков А. Воспоминания. М.: АСТ, 2003. С. 108.

сообщил в телеграмме Квириngu 11 января⁵². Не исключено, что если бы Фрунзе присутствовал на этом заседании, то наряду с дебатами о конфликте Сталина с Зиновьевым и Каменевым больше внимания было уделено выбору наилучшего кандидата на пост генсека между Сталиным и Фрунзе. Тогда и результат голосования мог бы стать иным.

Тем не менее до утверждения решения «семерки» пленумом ЦК РКП(б) у оппонентов Сталина еще оставалась надежда на нем добиться исключения Троцкого из Политбюро, исходя из того, что «семерка» приняла за основу проект резолюции о выступлении Троцкого, написанный Зиновьевым. В нем тот обвинялся в попытке подменить ленинизм троцкизмом, и при принятии такого обвинения казалось странным сохранить его в высшем партийном органе.

Показательно, что уже после получения телеграммы от Сталина Квириng 12 января прислал генсеку шифровку с результатами голосования участников Пленума ЦК КП(б)У по выводу Троцкого из Политбюро: «Пленуму ЦК на закрытом заседании сообщил вашу телеграмму. Большинством 27 против двух пленум постановил считать необходимым снять также и с Политбюро»⁵³. Это не означало, что члены ЦК КП(б)У встали на сторону Зиновьева по основному вопросу о замене Сталина на посту генсека. Близкий к Сталину украинский партийный работник А. Заславский сообщал ему: «В ЦК здесь было два длинных ночных заседания. Обсуждали положение и к кому примкнуть. Были обвинения Квириngu, что он зашел к Зиновьеву, а не был у Сталина. Все сошлись на том, что поддерживать надо Сталина»⁵⁴. Поддержка Сталина не противоречила голосованию по выводу Троцкого из Политбюро, потому что генсек не менее резко, чем Зиновьев, критиковал «Уроки Октября».

Надежды оппонентов Сталина добиться исключения Троцкого из Политбюро на фракции ленинцев накануне объединенного пленума ЦК и ЦКК, который проходил с 17 по 20 января, не оправдались. Как писал позднее Зиновьев в статье «История создания фракционного центра», «Сталин на фракции внес предложение, чтобы осторожно готовить снятие Троцкого из ПБ»⁵⁵, и оно было принято фракцией. К этому Зиновьев добавил, что «Троцкий уже в августе 1924 г.

⁵² Известия ЦК КПСС. № 8. 1991. С. 183.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 48. Л. 29.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 324. Л. 11.

был отстранен от партийного руководства и его пребывание в ПБ мыслилось большинством исключительно для того, чтобы продемонстрировать перед массами желание привлечь т. Троцкого к работе, хотя фактически такого желания не было»⁵⁶. Объединенный пленум в полном составе одобрил принятую фракцией резолюцию с осуждением позиции Троцкого, освобождением его от обязанностей председателя РВС, но с оставлением в Политбюро. В соответствии с фракционной дисциплиной Зиновьев и Каменев с предложением исключить Троцкого из Политбюро на пленуме ЦК не стали выступать. Фрунзе был утвержден председателем РВС, но ввести его в Политбюро было нельзя, пока сохранялась ранее установленная численность в 7 человек.

После решения пленума Зиновьев и Каменев выдвинули предложение расширить Политбюро. Это позволило бы включить в него Фрунзе даже при сохранении Троцкого в составе высшего органа. Это предложение было отклонено. О мотивах отклонения, ссылаясь на сообщения из Москвы, писали члены ЦК и ЦКК КП(б)У в середине февраля 1925 г. в письме членам «семерки». В нем они писали: «Мы не считаем целесообразным произвести в настоящее время предложенное расширение Политбюро, ибо такое расширение грозит превратить Политбюро в орган менее деловой, чем надо быть П/Б, а с другой стороны, широкий состав П/Б неизбежно ослабит значение пленума ЦК, чего нельзя допустить... Мы не видим никаких причин, которые побуждали бы тт. Каменева и Зиновьева будировать против Сталина и остальных товарищей руководящей группы. Особенно вредными мы считаем разговоры о пересадке работников»⁵⁷.

В последних словах и была суть — нельзя допустить замену Сталина Фрунзе на посту генсека. Сталин не хотел допускать перевода Фрунзе из кандидатов в члены Политбюро, что становилось возможным при расширении Политбюро. По-видимому, он полагал, что раз Фрунзе дал согласие Зиновьеву на выдвижение его кандидатуры на пост генсека, а без такого согласия оно было невозможно, то он, став членом Политбюро, будет там поддерживать его оппонентов.

Позднее Томский на XIV съезде партии в декабре 1925 г. вспоминал, как Зиновьев и Каменев предлагали изменить состав Политбюро: «Это Политбюро не идет за ними, надо значит создать другое Полит-

⁵⁶ Там же. Л. 13.

⁵⁷ Известия ЦК КПСС. № 8 1991. С. 189, 190.

Похороны Фрунзе.
Из открытых источников

бюро. Конечно, не просто переизбрать, а расширить, т.е. дополнить... Как мы к этому отнеслись? Отвергли — и больше ничего»⁵⁸.

Троцкий пишет в книге о Сталине, что «Зиновьев и Каменев уверяли меня впоследствии, что Фрунзе был настроен в их пользу против Сталина»⁵⁹. Думается, что, скорее, он пытался бы не допустить разрастания конфликта, добиться компромисса. Но как раз компромисса Сталин не хотел. Решающую роль в отклонении предложения о назначении генсеком Фрунзе сыграла позиция входивших в «семерку» Бухарина, Рыкова и Томского. Личные отношения с генсеком у них были лучше, чем с Зиновьевым и Каменевым, а выбор Фрунзе был бы воспринят как победа оппонентов Сталина.

Фрунзе успешно выполнял обязанности наркома и кандидата в члены Политбюро, и никаких решений о его лечении не принималось. Но к августу 1925 г. вновь стали обостряться отношения между Сталиным и его оппонентами. В это время произошла непонятная авария с автомобилем Фрунзе, и в начале сентября Сталин настоял на приезде Фрунзе в Мухалатку. Первоначально тот собирался ехать в Ялту, где лечилась его жена от туберкулеза. Но генсек, который отдыхал в Мухалатке, 5 сентября послал Молотову шифровку, в которой

⁵⁸ XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М; Л.: ГИЗ, 1926. С. 283.

⁵⁹ Троцкий Л. Сталин. Кн. 2. М.: Эксмо, 2011. С. 261.

говорилось: «Убедите Фрунзе поехать на отдых в Мухалатку. Здесь лучше»⁶⁰.

Сталин хотел затруднить Зиновьеву и Каменеву возможность контактов с наркомом и в то же время в спокойной обстановке побеседовать с Фрунзе для того, чтобы убедить его не поддерживать их. Для Сталина было важно, чтобы он не повторил своего согласия на выдвижение на пост генсека на очередном съезде партии, намеченном на декабрь 1925 г. На нем генсек планировал одержать окончательную победу над своими оппонентами.

Беседы с Фрунзе в Мухалатке, по-видимому, убедили Сталина в том, что тот склонен к компромиссам в происходящей внутрипартийной борьбе. Следовательно, надо было продолжить использование врачей. То решение Политбюро 17 сентября 1925 г., которое выше цитировалось, принималось четырьмя членами этого органа, помимо Сталина присутствовали Зиновьев, Каменев и Троцкий. Это были его оппоненты, которые всерьез полагали, что предложение Сталина мотивировано только желанием обеспечить здоровье Фрунзе. Они не учли, что Сталин может давать инструкции врачам не по медицинским соображениям, а по политическим причинам. В результате постановление Политбюро открыло путь к операции, хотя оно предусматривало только следование предписаниям врачей, но речи о возможности рискованной операции тогда не шло.

Дальнейший ход борьбы за власть показал, что Сталин был прав, опасаясь участия Фрунзе в приближавшемся пленуме ЦК. Сталин и поддерживавшее его большинство «семерки» активизировали попытки ограничить влияние Каменева, запретив 30 сентября публикацию написанной им статьи за преувеличение кулацкой опасности. На следующий день Зиновьев, Каменев, нарком финансов Г. Сокольников и вдова Ленина Н. Крупская направили в Политбюро «секретное деловое письмо». В нем среди прочего критиковалось большинство Политбюро за поддержку Бухарина, который, по мнению авторов, недооценивает политических последствий своего лозунга вращающегося кулака в социализм и обращения к нему с призывом «обогащайтесь».

Сразу после этого Бухарин предложил Крупской встретиться с представителями большинства, и она согласилась. Однако через несколько часов члены и кандидаты в члены Политбюро, включая Фрунзе, направили ей короткое письмо, датированное 1 октября, с отказом от

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1420. Л. 68.

этой встречи. В ней они писали: «Уважаемый товарищ, ввиду того, что Вы поставили нас перед фактом и подписали фракционную платформу, нападающую на ЦК, не сделав ни малейшей попытки предварительно переговорить со сторонниками большинства ЦК, мы с сожалением констатируем, что нашу беседу, о которой Вы уславливались с т. Бухариным, Вы сделали тем самым в настоящий момент излишней»⁶¹.

Фрунзе подписал это в целом корректное по тону письмо, потому что он был сторонником предварительных компромиссных договоренностей. Однако уже спустя два дня он не подписал развернутый ответ девяти членов и кандидатов в члены Политбюро на декларацию «четверки», содержавший резкие нападки на нее. В нем их документ назывался «насквозь лицемерным и фальшивым», смысл которого сводится «к замаскированному требованию перегруппировки сил внутри ЦК с угрозой апелляции ко всей партии путем открытой дискуссии»⁶².

Таким образом, большинство встало на путь конфронтации. Речь идет не о сути разногласий. «Четверка» была неправа по важному вопросу об отношении к зажиточному крестьянству. Но взгляды Сталина недалеко от нее отходили. Для него важнее всего была возможность использовать их ошибки для ослабления влияния оппонентов, и это подтвердили заседания фракции ленинцев, начавшиеся 5 октября. Как обычно в политической борьбе, обе стороны допускали неточности и преувеличения. На заседании фракции развернулась очень резкая дискуссия, и в ночь на 6 октября Дзержинский написал письмо Сталину с грубыми нападками на Зиновьева и Каменева, обвиняя их в раскольнической деятельности. 6 октября председательствовавший на заседании фракции Рыков зачитал по согласованию со Сталиным это письмо. После этого Зиновьев со своими сторонниками покинули зал заседания.

Микоян, вспоминая это заседание фракции, пишет: «На всех тех членов ЦК, которые хотели сохранить единство, их уход произвел действие шока. Наиболее чувствительный и эмоциональный Г. Орджоникидзе даже разрыдался. Он выступил против Рыкова и со словами: “Что ты делаешь?” бросился из зала в другую комнату. Я вышел за ним, чтобы успокоить»⁶³. Члены ЦК потребовали послать группу к Зиновье-

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 55. Л. 30.

⁶² Там же. Л. 117.

⁶³ Микоян А. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 267.

еву с приглашением вернуться, в которую вошел и Микоян. Ушедшие согласились вернуться.

Сталин, чувствующий настроения большинства, предложил следующую резолюцию по этому поводу: «1. Фракция считает письмо т. Дзержинского неправильным по содержанию и недопустимым по тону. 2. Фракция считает, что тов. Сталин поступил неправильно, не представив предварительно письмо т. Дзержинского в семерку. 3. Фракция образует Президиум из трех с включением в него представителя из ушедших товарищей»⁶⁴. В результате обсуждения разногласий в «семерке» фракция 8 октября приняла компромиссную резолюцию. Сталин не собирался выполнять эту резолюцию и целеустремленно продолжал в период подготовки к съезду и на самом съезде линию на отсечение от руководства Зиновьева и Каменева, а также их соратников. Их поражение было зафиксировано в резолюциях съезда. Но уже через несколько месяцев после завершения съезда Сталин фактически начал отходить от курса, вытекающего из принятых резолюций, стремясь к постепенному свертыванию нэпа и достижению бесконтрольной власти.

Эта история показывает, что среди членов ЦК было немало тех, кто хотел сохранить единство и был готов препятствовать стремлению Сталина устранить из руководства политиков, не обязанных ему своим положением. Но эта группа цекистов не имела в своем составе неформального лидера с твердой волей, способного добиться выполнения принятых решений. Таким лидером мог бы быть Фрунзе. Многие имевшие с ним дело отмечали его мягкость, тактичность, но эти качества сочетались с твердым и сильным характером. Его бессменный адъютант и помощник С. Сиротинский отмечал: «Фрунзе, внешне производивший на многих впечатление мягкого человека, таил в себе железную волю»⁶⁵. Вокруг этой пользовавшейся большим авторитетом личности могли объединиться все несогласные в партийном руководстве со стремлением Сталина к своей бесконтрольной власти.

Фрунзе считал необходимым соблюдать партийную дисциплину, поэтому он следовал решению Политбюро о выполнении предписаний врачей. Но когда речь шла об обсуждении еще не принятых решений, он занимал принципиальную позицию. Так, было, например, на

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 56. Л. 63.

⁶⁵ О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. М.: Политиздат, 1985. С. 199.

Сборник памяти М.В. Фрунзе. 1938 г.
Из открытых источников

заседании секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу в апреле 1923 г., где он спорил со Сталиным.

Сталин хорошо разбирался в людях и знал о твердом характере Фрунзе, проявлявшемся как в обсуждении принципиальных вопросов, так и в стремлении находить компромиссные решения. Как мы видели, он старался при помощи врачей не допустить Фрунзе на те заседания, где прямо выраженная им позиция могла повлиять на колеблющихся участников при возникновении разногласий между генсеком и его оппонентами. Конечно, можно сказать, что во всех этих случаях накануне заседаний наблюдались обострения его болезни, но как-то трудно поверить в неоднократные совпадения.

Может быть, заменить Сталина на посту генсека на первом после XIV съезда организационном пленуме ЦК не удалось бы, даже если бы не было операции, и Фрунзе принял бы участие в съезде и пленуме ЦК после него. Но как наркомвоенмора и председателя РВС его наверняка включили бы в состав Политбюро, тем более что его численность была увеличена до девяти человек и туда вошел заменивший его на посту председателя РВС верный соратник Сталина К. Ворошилов.

Сталин стремился не допустить появления независимого и сильного политика в составе Политбюро при расширении численности этого высшего органа, а для этого требовалось лишить Фрунзе его постов. Думается, что по замыслу Сталина, операция была призвана

помочь решить эту задачу. Он знал от врачей, что она связана с риском ухудшения здоровья пациента. В цитированном мною ранее заключении консилиума врачей от 24 октября 1925 г. утверждалось, что и после операции возможны рецидивы и потребуется продолжить лечение. При таком вероятном ее исходе она могла помочь убедить других членов Политбюро в необходимости отстранить Фрунзе от активной политической деятельности по состоянию здоровья.

Входивший в состав консилиума И. Греков, который был ассистентом Розанова на операции, спустя два дня после смерти наркома дал интервью газетам. В нем он вопреки фактам уверял, что «Фрунзе пожелал подвергнуться операции, так как считал свое состояние лишающим его возможности продолжать ответственную работу»⁶⁶. Это измышление соответствовало установке Сталина, которая была представлена членам консилиума.

Реализации сталинского замысла способствовала сложившаяся к тому времени система власти. Хотя Политбюро не выносило решения о проведении операции Фрунзе, но волевой генсек, руководя всей организационной работой, имел возможность, с одной стороны, обязывать врачей давать желаемые рекомендации, а другой стороны, ссылаясь на эти рекомендации, убеждать других членов Политбюро не возражать против проведения рискованной операции.

Вероятно, Сталин опасался, что появление наркома в составе Политбюро может помешать реализации его планов по разгрому оппонентов в партийном руководстве и достижению фактически бесконтрольной власти путем появления в составе ЦК и Политбюро зависимых от Сталина партийных деятелей. В результате избрания Фрунзе изменилось бы соотношение сил в Политбюро. В нем появился бы политик с сильной волей, способный объединить деятелей, не согласных с курсом Сталина на постепенное свертывание нэпа, к чему он вел дело с середины 1926 г. Как показало дальнейшее развитие событий без Фрунзе, противники линии Сталина, входившие в Политбюро, но не обладавшие твердым характером и способностью ладить с людьми разных взглядов, не смогли завоевать большинство в ЦК партии и противодействовать его курсу.

О взглядах Фрунзе на общеэкономические проблемы можно судить по его речи на литературной комиссии ЦК РКП(б) в марте 1925 г. Тогда он говорил о противоречиях между рабочим классом и кре-

⁶⁶ Известия. 3 ноября 1925.

стьянством, которые, по его мнению, «выгодно не заострять, а смягчать». Развивая эту мысль, Фрунзе заявил: «Линия административного нажима и прижима может и должна уступить место экономическому влиянию государства в лице нашего государственного хозяйства и кооперации. Мы можем теперь во всех областях жать гораздо меньше, чем жали прежде»⁶⁷.

Стоит отметить, что Сталин проявлял глубокое сожаление по поводу смерти Фрунзе, по всей видимости, искреннее. Однако наличие у него таких человеческих качеств отнюдь не помешало ему настаивать на операции, зная о рисках с ней связанных, ибо для него соображения борьбы за власть были важнее.

Дело специалистов-медиков выяснять, какие ошибки были допущены в ходе операции. Бесспорным является факт работоспособного состояния Фрунзе накануне ее, о чем свидетельствовали его деловые встречи. Следовательно, отсутствовала необходимость срочной операции, на которой настаивал Сталин. Можно было выполнить ранее принятые постановления Политбюро о посылке его за границу для лечения или привлечь для консультации зарубежных знаменитостей. Со смертью Фрунзе была потеряна возможность объединить вокруг сильной и обаятельной личности всех сторонников альтернативы сталинскому курсу.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Бажанов Б.Г. *Воспоминания бывшего секретаря Сталина*. М.: НП «III тысячелетие», 2002. 303 с.
Bazhanov B.G. *Memories of Stalin's former secretary*. Moscow: NP «III tysyacheletie», 2002. 303 p. (in Russ.)

⁶⁷ Фрунзе М.В. *Неизвестное и забытое*. М.: Наука, 1991. С. 250.

2. Боярчиков А.И. *Воспоминания*. М.: АСТ, 2003. 320 с.
Boyarchikov A.I. *Memories*. Moscow: AST, 2003. 320 p. (in Russ.)
3. Вокруг статьи Л. Троцкого «Уроки Октября». *Известия ЦК КПСС*. 1991;(8):180–197.
Around L. Trotsky's article «Lessons of October». *Izvestiya TsK KPSS*. 1991;(8):180–197 (in Russ.)
4. Гамбург И.К. *Так это было...: Воспоминания*. М.: Политиздат, 1965. 191 с.
Gamburg I.K. *That's how it was...: Memories*. Moscow: Politizdat, 1965. 191 p. (in Russ.)
5. Драбкина Е.Я. *Зимний перевал*. М.: Политиздат, 1990. 400 с.
Drabkina E.Ya. *Winter transition*. Moscow: Politizdat, 1990. 400 p. (in Russ.)
6. Киянская О.И., Фельдман Д.М. *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы*. М.: Форум, 2015. 448 с.
Kiyanskaya O.I., Feldman D.M. *Essays on the history of Russian Soviet literature and journalism of the 1920s and 1930s: Portraits and scandals*. Moscow: Forum, 2015. 448 p. (in Russ.)
7. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 45. М.: Политиздат, 1982. 729 с.
Lenin V.I. *Complete works*. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1982. 729 p. (in Russ.)
8. Микоян А.И. *Так было. Размышления о минувшем*. М.: Вагриус, 1999. 637 с.
Mikoyan A.I. *This is how it was: Reflections on the past*. Moscow: Vagrius, 1999. 637 p. (in Russ.)
9. Млечин Л.М. *Фрунзе*. М.: Молодая гвардия, 2014. 267 с.
Mlechin L.M. *Frunze*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2014. 267 p. (in Russ.)
10. *О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников*. М.: Политиздат, 1985. 287 с.
About Mikhail Frunze: Memories, essays, and articles by contemporaries. Moscow: Politizdat, 1985. 287 p. (in Russ.)
11. *Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 14–23 июля 1926 г. Документы и материалы*. М.: Научно-политическая книга, 2023. 1206 с.
Joint Plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), July 14–23, 1926.

- Documents and Materials*. Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2023. 1206 p. (in Russ.)
12. Тополянский В.Д. *Вожди в законе. Очерки физиологии власти*. М.: Права человека, 1996. 320 с.
Topolyansky V.D. *Leaders in the law. Essays on the physiology of power*. Moscow: Prava cheloveka, 1996. 320 p. (in Russ.)
 13. Троцкий Л.Д. *Сталин*. В 2 кн. Кн. 2. М.: Эксмо, 2011. 720 с.
Trotsky L.D. *Stalin*. In 2 books. Book 2. Moscow: Eksmo, 2011. 720 p. (in Russ.)
 14. Фрунзе М.В. *Неизвестное и забытое*. М.: Наука, 1991. 271 с.
Frunze M.V. *Unknown and forgotten*. Moscow: Nauka, 1991. 271 p. (in Russ.)
 15. Чуев Ф.И. *Сто сорок бесед с Молотовым*. М.: Терра, 1991. 623 с.
Chuev F.I. *One hundred and forty conversations with Molotov*. Moscow: Terra, 1991. 623 p. (in Russ.)
 16. XIV съезд ВКП(б). *Стенографический отчет*. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 1032 с.
XIV Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Verbatim report. Moscow; Leningrad: GIZ, 1926. 1032 p. (in Russ.)

☞ **Голанд Юрий Маркович** ☞
Yury M. Goland

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН
SPIN -1910-4590
Orcid –[https://orcid.org/
0000-0002-6270-0163](https://orcid.org/0000-0002-6270-0163)

PhD (Economics), Leading Researcher
at the Institute of Economics of the Russian
Academy of Sciences
SPIN -1910-4590
Orcid –[https://orcid.org/
0000-0002-6270-0163](https://orcid.org/0000-0002-6270-0163)

Поступила в редакцию /
Received
22.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
22.12.2025

Принята к публикации /
Accepted
13.02.2026